

Глава 16. Раздуваемый жар

Говорят, что запретное — это лишь психологический барьер, страшный лишь до первого нарушения. Стоит его перешагнуть, и остановиться становится почти невозможным. Так и Лу Юньпин: однажды ему приснился эротический сон с Ли Хуэем. Говорят, что от снов не остаётся следов, — но этот запомнился накрепко. Послевкусие было таким острым, что при внезапном воспоминании по всему телу пробегали мурашки, будто электрический разряд. Беда лишь в том, что такие сны не случаются каждую ночь, зато желание разгоралось с каждым днём. Оставалось только лежать под одеялом, воображать Ли Хуэя и заниматься самоудовлетворением. Поначалу после оргазма наступало отрезвление — и что-то вроде угрызений совести; но потом Лу Юньпин лишь тяжело дышал и думал: случись это наяву — наверняка было бы невероятно хорошо.

В действительности же после того случая Ли Хуэй перестал его замечать. Лу Юньпин нарочно слонялся по коридору — Ли Хуэй смотрел сквозь него. Тут-то стало ясно: желающих потереться рядом с Ли Хуэем, угостить его сигаретой — хоть отбавляй. Люди чтят две силы — ум и кулак; Ли Хуэй был живым воплощением второй, и слава грозы Хуанхэ влекла к нему народ куда сильнее, чем звание первого ученика. Раньше Ли Хуэй сам открыл перед ним дверь — и потому казался обычным парнем, разве что кирпичи бьёт с пугающей точностью... Теперь же Лу Юньпин вдруг понял, какая между ними пропасть, и как мучительно трудно к нему приблизиться.

Дневное отчуждение и ночные фантазии изматывали. На уроках Лу Юньпин всё чаще уходил в себя, поля в тетрадах пустели, а сосед по парте поставил диагноз: старческое слабоумие в последней стадии.

На промежуточных экзаменах он скатился с пятого места на двадцать седьмое. Классный руководитель пришёл в ярость и грозился вызвать мать. Пришлось долго упрашивать его в учительской, прежде чем тот согласился на «последнее предупреждение».

Ли Ши разыскал его и предложил: помирись с Ли Хуэем, извинись — и дело с концом, все свои, зачем так натягивать. Лу Юньпин и сам подумывал об этом, но гордость не позволяла сделать первый шаг. А стоило вспомнить про «у меня есть тот, кто мне нравится» — и следом мысль о Чэнь Кайюе, — как желание мириться улетучивалось без следа: что с этого толку, всё равно ничего не получишь. Так и тянулось.

Дни шли один тягостнее другого. На самоподготовке Лу Юньпин то и дело выскальзывал покурить. В те годы программы переселения ещё не было, учительское общежитие представляло собой два ряда одноэтажных домиков, и между ними пролегал узкий проход, упиравшийся прямо в площадку с флагштоком. Днём там почти никто не ходил; Лу Юньпин облюбовал этот закуток — присядешь на корточки, закуришь, и до тебя краем уха долетают разговоры из жилого квартала.

— Этот брошь и правда он тебе подарил?

— Ну да.

— Дай посмотреть, дай посмотреть! Красивый — жуть. Дорогой, наверное?

— Не знаю, он не сказал.

Лу Юньпин слушал болтовню двух девчонок и машинально шёл на голоса. Уже собирался встать и уйти, но тут услышал:

— Ван Синь, какая ты счастливая! Ли Хуэй такой крутой — и вот, влюбился в тебя, да ещё такой романтичный оказался. В школе вас почти не видно вместе, он к тебе не подходит — ни за что бы не подумала. Вот уж не скажешь!

Лу Юньпин встал и остался ждать. Из-за угла вышла Ван Синь — довольная, слегка смущённая, — хвасталась подруге и не заметила, что здесь кто-то есть.

— Не скажешь, да? Ты никому не болтай, он просил не рассказывать, только тебе говорю — мы же близкие подруги...

Вскинула голову — и наткнулась взглядом на Лу Юньпина. Рот приоткрылся.

Лу Юньпин смотрел на неё холодно и молча. Подружка нерешительно спросила:

— Это кто?

Ван Синь под этим взглядом занервничала, отрезала раздражённо:

— Псих какой-то.

Попыталась уйти. Лу Юньпин щелчком выбил окурочек и негромко сказал:

— Псих — это тот, у кого мания. Например, воображать, что кто-то в тебя влюблён.

Ван Синь не хотела скандала, потянула подругу вперёд. Лу Юньпин не унимался:

— Воображать, что с тобой встречаются, и что тебе при этом ещё дарят брошки — это уже тяжёлая форма. Слушай, у меня дядя есть, врач в Третьей баоцзйской психиатрической больнице. Познакомить, Ван Синь?

— Лу Юньпин, ты нарываешься?!

Он развёл руками с невинным видом:

— Я же о тебе забочусь. С болезнью надо бороться смолоду.

Тут вступила подружка:

— Ты вообще кто такой? Несёшь невесть что. Этот брошь Ван Синь подарил её парень. Её парень тебя покруче будет. Продолжишь — она ему скажет, он с тобой разберётся.

Лу Юньпин посмотрел на неё — так говорит, будто сама всё видела, — и усмехнулся против воли:

— Ли Хуэй, что ли? Ли Хуэй её парень? Надо же, я не знал. Ван Синь, погоди — так кто из нас несёт чушь? Как думаешь: скажи я Ли Хуэю — с кем он будет разбираться?

Лицо Ван Синь залилось краской. Она фыркнула пару раз:

— Скажешь Ли Хуэю? Смеси людей. Ли Хуэй тебя уже не прикрывает, ты ему больше не свой. Иди, скажи, посмотрим, даст ли он тебе хоть слово вставить.

Это ударило, как пощёчина. Злость накрыла с головой.

— Повтори!

Ван Синь увидела, что попала в точку, и уже не думала отступать:

— Сказала — и скажу снова! Раньше тебя не трогали только из уважения к Ли Хуэю. А ты думал, сам по себе крутой? Говорю тебе — желающих тебя отметелить — очередь выстроится!

— Не посмотрел бы, что баба, давно бы уже...

Ван Синь шагнула к нему вплотную и толкнула ладонями в грудь:

— Ну бей! Давай, прямо в лицо! Сегодня не ударишь — не мужик!

Один толчок — мало. Второй. Третий. Лу Юньпин и без того держался на последнем, а её руки, лезущие к нему, вызвали почти физическое отвращение. Не думая, он перехватил её запястье и оттолкнул, не сдержавшись:

— Да совсем стыд потеряла!

Узкий проход был в тени, кирпичная кладка заросла мхом — скользко, как в бане. Ван Синь явно не повезло: на ногах — модные платформы. От толчка она потеряла равновесие; подружка бросилась поймать, но не успела — Ван Синь грохнулась на спину, и пуговица школьной формы отлетела.

Второй раз перед Лу Юньпином. Больно или нет — это десятое дело; главное — унижительно до смерти. А у Лу Юньпина на душе вдруг полегчало.

— В следующий раз на физкультуре больше прыгай в высоту — ноги длиннее станут. И не прячься по таким опасным закуткам с влажными фантазиями. И без того грудь есть, а мозгов нет — ещё и голову расшибёшь.

Ван Синь с трудом сдержала слёзы. Подруга подняла её с земли. Она уставилась на Лу Юньпина тёмными от ярости глазами и выдала фразочку из «Молодых и опасных»:

— Жди. Я тебе это припомню.

Глубокой осенью зарядили дожди — не ливни, а та тягучая, нескончаемая морось, что может идти три-четыре дня подряд. У Ли Хуэя была одна странность: он не брал ни зонта, ни дождевика. Какой бы ни шёл дождь — шёл напролом. На вопросы отвечал коротко: лень возиться. Ли Ши решил, что это дико круто и по-настоящему по-пацански, и стал делать так же.

В пёстрой веренице зонтов двое промокших насквозь привлекали всеобщее внимание. Ли Ши совсем недавно обзавёлся новым велосипедом — Giant с переключателем скоростей, лёгкий как пёрышко. Рядом с Ли Хуэем он красовался вовсю:

— Слушай, смени ты свою колымагу.

— Зачем?

— Под дождём хоть быстрее поедешь!

— Насколько быстрее? Будешь крутить педали сто двадцать километров в час — всё равно промокнешь.

Голова у Ли Ши работала прямолинейно: подумал — согласился, что Ли Хуэй прав. Значит, несколько сотен на велосипед выбросил зря. Лучше бы комп с 486-го проапгрейдил до 586-го. Зашёл с другого бока:

— Слышь, пойдём ко мне? Я вчера «Легенду о мече и фее» купил. Лицензия!

— Интересно?

— Лучшая RPG из всех, что есть. Я вчера чуть до утра не играл.

— Прошёл?

— Нет, поэтому тебя и зову.

Дома у Ли Хуэя компьютера никогда не было, к играм — только через интернет-кафе. Не то что у Ли Ши со своей машиной, поэтому и зависимости особой не было.

— В другой раз. Сегодня хочу пару партий в бильярд сыграть.

Ли Ши вытянул шею, оглядывая улицу, и промолчал. Ли Хуэй пнул ногой его заднее колесо:

— Ты чего высматриваешь? Поворот пропустишь. Давай в Даши, переждём дождь — и домой.

Ли Ши на секунду замер, потом вдруг выпалил:

— Блин, да это же Пин-цзы!

<http://bllate.org/book/17478/1695157>